Перевод

Люк ГРЮВЕС

Из книги «НЕИЗБЫВНОЕ»[1]

Перевод Анастасии Андреевой

<u>От переводчика:</u> Люк Грювес (родился в 1953 году в Кортрейке, Западная Фландрия; живет в Хасселте, Бельгия) вошел в нидерландскую литературу уже в 70-х годах. С тех пор было издано более двадцати книг стихов, прозы и эссе. Некоторые стихи переведены и изданы на французском, испанском языках и на языке африкаанс. Публиковался в трех важнейших антологиях нидерландской поэзии (Йозефа Дело, Геррита Комрея и Илиа Леонарда Пфейфера), лауреат престижных премий.

Критики относят Грювеса к неоромантикам. Его произведения очень личностны, они наполнены ощущением трагичности и скоротечности жизни. Но поэт раскрывает и красоту, и волшебство этого мира, противопоставляя их несовершенству и временности. А тонкая ирония, часто свойственная его стихам, не позволяет прорваться пафосу и, как бы удерживая на некотором расстоянии от темы произведения, на самом деле помогает увидеть все более полно и отчетливо. Это поэзия многогранного восприятия мира, улавливания тончайших нюансов и оттенков, в том числе и на эмоциональном уровне.

Для меня еще дорого в его поэзии то, что это всегда искренний, задушевный разговор поэта со своим читателем. Так что в какой-то момент читатель невольно начинает чувствовать, что и его самого – понимают. Что не только он читает эти замечательные стихи, но и стихи заглядывают в его душу и будто читают о его жизни. И, наряду с эстетическим удовольствием, дарят утешение и поддержку.

Таласса, Таласса

Считается, что умирающих не судят, что им видней.
Они слегка всплакнут и, обретая почву под ногами,
дают предать себя земле. Но что если я вспоминаю,
здесь, сейчас, ее и как она ушла так много лет назад?

Как бабушка, уже совсем беспомощна и слабоумна,
ни на секунду не могла смириться с тем, что все ее
покойники мертвы. Из носа струйкой кровь. Из ниоткуда
вздох. Шепчу ей на ухо: *Ты еще здесь?* О да, конечно, да, –

ракушка рта, в которой раздавался шум морской волны.
Море, музей воды, я тебя слышу, море, говори.

[1] Luuk Gruwez. De eindelozen. Amsterdam: De Arbeiderspers, 2015.

Тогда мне приходилось ее хрип переводить. В то время
как под ее окном больничным неторопливей, чем обычно,

струились воды милой Лейе к другим, еще обширней
и гостеприимней, водам, – в то время кашель, всхлипы, стоны
меня ее лишали, и ее – меня. Потом вдруг все
прерв***а***лось. Не осталось ничего. Одно лишь море, море.

День последнего стихотворения

*это последнее стихотворение одиноко**
Брейтен Брейтенбах

В день последнего стихотворения тишайшие из нас
еще едва лишь овладеют речью. Теперь,
когда ничто не терпит отлагательств, некто Люкас
будет в отчаянье просить руки, допустим, Лиз,

Челси или Анны, и одолеет всех тоска
высокая, как башня. В день последнего
стихотворения последнее стихотворение
устроится в радушной нише рта,

пока высотники с косматыми бровями,
с морщинами на лбу от беспокойств,
на лестницы длиннющие забравшись,
будут буравить вереницу облаков.

Это свершится в день последнего стихотворения.
Тогда вернутся динозавры и моллюски,
пусть даже вымершие в меловой период,
в те времена еще стихов ни сном ни духом

и не было печальных слухов о том, что
исчезновения не избежать. А дальше
девочка, обычная девчушка с косичками,
поднимется и вслух прочтет, как все:

«мама – мыла – раму», но, если
рядом никого не будет, ей станут петься строки,
которые заставят замолчать любого, и после этого
поэзия начаться сможет снова. И снова.

---

* *die laaste gedig paar nie* (африкаанс) – слово «paar» дословно переводится как «не имеет пары, не вступает в брак».

Баллада о бомбе

Я – бомба, я скоро упаду на домик
Йонаса, на голову влюбленной Эвелины
или красавицу Элен с ее младенцем.
Прошу знакомиться с моим искусным свистом,

секущим воздух, в котором воронье орет.
Моя задача – смерть, я никого вниманием
не обделю, и ни одной стене не уцелеть.
После чего я неподвижно лягу, и сначала

раздастся вопль, затем удушливая тишина
наступит, и вот, я – бомба, которая упала.
С высот небесных я обозревала соборы,
казармы, госпитали, луна-парки, зоопарки.

Ибо могу я мыслить, потому что всемогущий
и вездесущий такую мне возможность даровал,
пока я падаю. И вот я размышляю: почему?
А главное, с чего вдруг я, какая-то там бомба?

Когда неплохо справляются вулканы и торнадо,
землетрясения и даже то, что всякой осени
присуще или, скорее, милой, милой весне,
чья беспощадность не оценена вполне.

Что мне нужно сделать, чтобы увидеть море

Мне нужно душу пеликана покорить,
изматывать себя, воображая,
как чайки кружатся над головой
пока вдали не исчезают.

Услышать в раковине уха твоего,
когда нашепчет ветер давние стихи
или прошелестит просоленным бельем,
точно фольгой или уступчивой волной.

Мне нужно воздухом из дирижаблей
и надувных шаров наполнить
чахоточные легкие, но прежде –
такое смочь, что не под силу никому.

Лишь так, возможно, я смогу увидеть
море. Пока я пребываю в тишине,
оно под звездами себя врасплох застать
позволит в едва ли приручаемой воде.

Парикмахер

Не знает он, кем населен мой череп,
и ножницами и машинкой для бритья
он добивается того, что все они
без промедлений в такую даль сбегают,

где лучше бы жить вовсе без меня.
Так медленно молчит мой парикмахер,
что слышно, как вскипают в нем вопросы.
О, те вопросы мне он не задаст.

Но с кресла я встаю и ощущаю
себя обкорнанным и выспрошенным вдрызг.
Взмывает мой последний ангел: видишь,
он разбивается о зеркала стекло.

Месяц ангелов

Декабрь. Обнажает лунный свет
ту, что танцует перед нами
под гимн рождественский, она бледна
смертельно, и после, туфельки
держа в руке, нас покидает.

Декабрь, старший месяц, он
наполнен «было» и «сейчас»,
о будущем так мало нам
известно, что декабрит
вовсю и повсеместно.

Декабрь месяц, и ему
сил не хватает там и тут
отправить год в последний путь.
Дни истонченные, как
незабудковое «не – забудь».

И я пишу о декабре.

Он полон ангелов сусальных,
он полон тем, что происходит,
а будущее не известно.
И декабрит. И здесь, и повсеместно.

Сюрпляс*

И вот я здесь, но чтоб уйти на мили
вглубь собственного сна, он мне необходим,
в том сне, на время отдалившись от себя,
смогу приблизиться к всесильным матерям,
у них кипят не так, как дома, страсти
и все друг к другу обращаются на вы.

Я здесь, чтобы уйти от суеты
снаружи и внутри меня,
остаться между дольним и бездонным,
где к небесам подвешен транспарант,
на нем написано «С тебя довольно».

Я здесь, но чтобы оказаться дома,
когда опустится на Бевер мягко ночь,
сравнимая по нежности с пыльцой,
сахарной ватой или снежной пудрой.
Я лишь затем здесь, что хочу отныне
быть вне *откуда* и *когда*.

---

* Сюрпляс – название маленькой гостиницы для поэтов при культурном центре (расположенном в бывшем аббатстве), находящемся во фламандской деревне Бевер. В этой гостинице каждая комната посвящена одному из ведущих современных фламандских поэтов. В комнате Люка Грювеса представлены его книги, а на стене висит это стихотворение. Название «Сюрпляс» метафорично. В велоспорте – (франц. *surplace* – букв. «на месте») – это трюк, используемый гонщиками, когда они балансируя на велосипеде, не опираясь ногами о землю, стоят на месте. Так годами удерживает равновесие этот культурный центр на границе Фландрии и Валонии, его стены дышат покоем, и время будто остановилось.